

ГЛАВА 18.

Приезжая в город, люди из глубинки неизбежно сталкиваются с непривлекательной и малооплачиваемой работой. Женщинам из провинции приходится хуже, чем мужчинам. Необразованным или плохо образованным женщинам сложнее найти подходящие вакансии. Недавнее исследование установило, что большинство девушек, получающих

1000 – 2000 батов, посылали от трети до половины зарплаты своим родным. Многие сказали, что по просьбе родственников пошлют и дополнительные суммы на покрытие таких издержек, как медицинские сборы, школьные расходы и оплату нанятых работников в сезон урожая (журнал *Phongraichit*, 1982 г.)

На следующий день, Джек, завидев мое приближение, скривился. Он не хотел видеть меня? Я больше ему не нравлюсь? Что произошло?

– В чем дело? – спросила я с тревогой.

– Я плохо себя чувствую.

– Ох.

Я была слишком чувствительна. Его хмурый, или даже не достаточно долгий взгляд мог вывести меня из строя на целый день. Он больше ничего не сказал.

– Я надеюсь, что тебе полегчает, – сказала я. – Увидимся на обратном пути.

Я пошла в Apollo Inn. Рядом со мной сел Чай. Как раз в это время шло факинг-шоу. В главной роли был тот же парень, что и неделю назад. Он долго не снимал свои стринги, и только в самом конце отодвинул их в сторону. Его партнер был полностью обнажен. Так же как и в гетеросексуальных шоу, эти двое сношались во всех позах.

В Apollo Inn я спросила Чая:

– Мне бы хотелось услышать твою историю жизни. Расскажешь мне? Я заплачу бару, и ты не будешь работать.

Каждый нуждается в понимании, и я надеялась вытянуть из него тайны детства. Он согласился, сказав, что придет на следующий день, в субботу. В выходные дни у него не было работы в ресторане.

На обратном пути я не увидела Джека, но он вскоре появился у моей двери.

– Я заболел, – сказал он. – Сегодня вечером я взял гостя на тайский бокс. Пришлось сидеть очень долго, и все это время меня знобило.

Его и сейчас колотил озноб, поэтому я дала ему свою синюю толстовку и шерстяные женские шаровары. Он стал похож на джинна.

– У тебя грипп? – спросила я. У тебя насморк?

– Нет.

– Что тогда?

– Возможно малярия, – сказал он, скривившись. – Или тропическая лихорадка. Я не знаю.

– Ты был у доктора?

Он отрицательно покачал головой. Я знала, что он прежде всего думает о деньгах. Бедные тайцы не ходят к врачам и не покупают лекарств. Фаранги рассказывали мне истории о том, как их подруги с Патпонга заболели, и попадали в клинику только благодаря им. Они полностью оплачивали девочкам лечение. Один фаранг навещал свою подругу в течение нескольких месяцев, несмотря на то, что она заразила его туберкулезом. Хотя он больше с нею не встречался, но он знал, что если не купит ей лекарства, она не получит их.

– Последнее время газеты сообщают о лихорадке в Бангкоке, – сказала я. – Ты действительно не хочешь пойти в больницу? Я пошла бы с тобой.

– Нет.

Я очень не хотела видеть его больным. Как ужасно быть больным и не иметь возможности заплатить за доктора. Хотя государственные больницы были бесплатны, ждать своей очереди нужно было целый день, а потом еще и заплатить за лекарства.

У меня еще не было опыта общения с женщинами Патпонга, о здоровье которых заботились фаранги. Это была интересная тема для моего исследования, которую я еще не рассматривала.

Я не рассчитывала оплачивать счет за Джека, и мне не хотелось такого рода отношений между нами. Я надеялась, что Джек не примет такого. Он дал мне это понять, когда мы шли пить кофе. Предполагалось, что мужчина платит за женщину.

– Может, дать тебе аспирин? – спросила я.

Он кивнул. Тогда я дала ему две таблетки.

– Ты как хорошая жена, – произнес он.

Странное высказывание, ведь жену не следует отождествлять с медсестрой. Люди в любом случае должны сострадать друг другу. Я думаю, это было целесообразно. Он горел лихорадкой и хотел лечь спать. Я сказала, чтобы он ложился в кровать, что он и сделал, прямо в одежде джинна. Я выключила кондиционер и присоединилась к нему. Лежа рядом, я задумалась: а вдруг он заразен? Мог ли у него быть СПИД? Должна ли я беспокоиться о СПИДе? С момента моего прибытия в Таиланд казалось, что этой болезни просто не существует. Газеты редко писали о таких случаях, но если и упоминали, то это были единицы. Восемь случаев за прошедший год.

На ощупь Джек был очень горячим.

– Ты как электроодеяло, – сказала я, обнимая его руками.

– Что это?

– Это такое одеяло, которое можно включить, чтобы согреться.

Я смеялась про себя, понимая, что это должно быть казаться забавным для того, кто живет в тропиках. Он посмотрел недоверчиво.

– Правда, – сказала я. – Скорее всего у Фреда Флинстоуна было одно такое.

Он сжался в моих руках.

– Кажется, мне нужен прохладный компресс, – произнес он, показав на свой лоб.

Он ожидает от меня холодный компресс? Это было уже слишком. Я испугалась, что мне придется играть роль жены-медсестры.

– Засыпай, – сказала я. – Это лучше всего.

На следующий день он проснулся довольно рано. В рабочие дни тайское телевидение не работало до 16:00, но в выходные они начинали рано. Джек все еще плохо себя чувствовал и выглядел слабым. Мы перебрались в гостиную. Он лег головой мне на колени, и мы смотрели японские мультфильмы, дублированные на тайском языке.

– Смотри на это! Глазам своим не верю, – воскликнула я, когда маленькая девочка пошла в кусты, чтобы помочиться. – Это удивительно!

– Что?

– В американских мультиках никто не ходит в туалет.

Тут в комнату зашли горничные и захихикали, увидев Джека в моей одежде. Они знали, что он был тем самым человеком, из-за

которого был инцидент с сумасшедшей бабой. Он действительно прикольно выглядел в моей одежде. Интересно, что у них в голове на этот счет? Может, они предполагают, что я должна быть взволнована? Или думают, что я, как обычно, должна быть одна?

Весь день мы провалялись с Джеком дома. Играя с моими пальцами, он вдруг посмотрел на мои ногти и сказал:

- Почему ты покрасила в этот цвет?
- Красный? Мне нравится. А что, тебе не нравится?
- Это старомодно. Как у стариков.
- О-о. А какой цвет лучше?

Мне, конечно же, не хотелось выглядеть старой.

– Розовый.

Нужно не забыть купить новый лак для ногтей, отметила я.

Чай приехал к концу дня. Он принес письмо и попросил, чтобы я помогла ему написать его. Какое-то время Джек сидел тихо, и лишь когда он услышал, что Чай работает в Apollo Inn, он дал о себе знать. Было ли это из-за того, что он болел, или потому, что он просто не хотел общаться с Чаем? Вероятно, зазывала и мальчик гоу-гоу были в разных социальных группах. Или это было из-за меня? Так как у него были клиенты-гомосексуалисты, Джек часто подчеркивал, что он не пошел бы таким же путем, как они. Может, так он показывал, что отрицательно относится к гомосексуалистам. Когда Чай узнал, что Джек работает на той же улице, повел себя почтительнее. Пока я писала письмо для Чаю, Джек вставлял какое-нибудь заковыристое слово, чтобы показать свой словарный запас. Это делалось больше для меня, чем для Чаю. Они с Джеком не общались.

После письма я решила оставить Джека в квартире и пойти с Чаем в ресторан недалеко от дома. Я хотела нормально взять интервью, а между ними я чувствовала напряженность.

– У Джека была лихорадка вчера ночью, – сказала я Чаю, когда мы шли. – Я надеюсь, что это не СПИД. Как ты думаешь, может ли у него быть СПИД?

Боже, кого я спрашивала! Того, кто был по горло вовлечен в эту рискованную работу. Я вспомнила, что у Чаю неделю назад была такая же лихорадка.

Он пожал плечами, так, будто это не имело никакого значения. Его отношение отражало позицию фарангов-резидентов, тех, кто верил всему написанному в газетах. СПИД для них был болезнью Запада. Даже журналисты, которые знали о том, как правительство

скрывает данную тему, закрывая на нее глаза, позволяли себе не париться на этот счет. Никто не хотел знать ни про какой СПИД, поэтому болезни для них не существовало. Хотя я и знала, что вирус разгуливает по Патпонгу, никто пока им не болел. Когда я спрашивала людей об этом, то сталкивалась с невежеством, и большинство людей игнорировали эту проблему. Все закрывали глаза.

– Ты даешь деньги Джеку? – спросил меня Чай.

– Нет. Никогда не делала этого.

Почему люди продолжают спрашивать меня об этом? Они что, думают, что я должна платить человеку за общение с ним? Или Хой и Чай спрашивали, потому что корыстные отношения были у всех? Может быть, они видели что-то еще в наших отношениях. Но ведь Хой даже никогда не видела Джека.

Забей, сказала я себе. Не стоит параноиться из-за комментариев проституток. Мои переживания из-за поведения Джека, этой его Дум, и из-за СПИДа могут просто свести меня с ума. Но я не позволю этому чувству завладеть мной.

В ресторане я взяла ручку и бумагу:

– Расскажи мне о своем детстве, какое оно было?

– Когда мне было пять лет, моя семья была богата. У нас было много лошадей. А когда мне стукнуло одиннадцать, мы обеднели. Часть лошадей умерла. Последнюю мы продали очень дешево, потому что она была хромой.

– Что значит – обеднели?

– Не было ни холодильника, ни телевизора.

– Ты работал до того, как приехать в Бангкок?

– Когда мне было шестнадцать, я водил велорикшу.

– Как долго?

– Только четыре месяца. С семнадцати до двадцати я не работал. Я хотел поступить на службу в ВВС, но не сдал экзамен. Они сказали мне «нет». Когда мне исполнилось двадцать, я приехал в Apollo Inn.

– Ты сразу же начал заниматься сексом с гостями?

– Первый раз был на четвертый день. Это был таец лет двадцати. Не красавец. Мне не понравилось его тело. Все прошло быстро, я удовлетворил его рукой, за 200 батов. Вторым человеком был семидесятилетний фаранг. Снова только рукой, и я только поцеловал его. За две минуты заработал 200 батов. В третий раз я заработал 500 батов. Фаранг взял пять мальчиков. Только один парень трахался с ним, а другие помогали. Затем сорокалетний фаранг тоже взял пять мальчиков, и мы все заработали по 400 батов.

– А что насчет друга? У тебя есть кто-нибудь?

– Пять месяцев назад я встретил мальчика в клубе. Мы выпили и пошли в отель, но там просто спали. Он живет с фарангом, и у него нет времени на меня. Теперь мы просто друзья.

– Однажды ночью, пять месяцев назад, вы встретились, и у вас ничего не произошло? С тех пор не было никаких любовных отношений?

– Нет времени. Я работаю каждый день и живу в баре.

– Там нет никого, кто тебе бы понравился?

– Кое-кто есть, но он работает в другом баре, – сказал он, улыбувшись. – Но у нас постоянно нет времени, чтобы встретиться.

– У тебя была когда-нибудь подруга?

– Нет.

– Какая у тебя мечта?

– Я хочу разводить свиней. А также кур и рыбу. Я хочу построить себе дом, а также матери и отцу.

– Что ты планируешь на будущее?

– Жениться.

– Жениться?! На женщине?

– У тайца должна быть жена. Дети – самая важная вещь. Если у тайца нет детей, то он усыновляет одного. Когда состарится, очень будет нуждаться в детях.

– Ты женишься на женщине, даже несмотря на то, что ты гей?

– Да. Я изменюсь, откажусь от мальчиков.

– А если у тебя будет любимый друг, которого ты любишь, ты бросишь его, чтобы жениться на женщине?

– Да.

Он смотрел на меня так, как будто не мог понять вопроса. Я смотрела на него так, словно не понимала ответа. В его культуре на первом месте было семейное обязательство. В моей культуре личность человека была на первом месте. Мы не могли понять рассуждений друг друга.

– Ты сказал, что хотел бы увидеть Америку. Что бы ты делал, если бы оказался в Америке с богатым другом, которого любишь. Ты остался бы?

– Нет.

Очевидно, он не понимал, как я могла спросить это.

– Я вернусь, чтобы жениться на женщине.

– А что, если ты уже не сможешь найти того, кого ты полюбишь?

Он подмигнул мне. Это не было для него проблемой. Он открыл рот, чтобы ответить, но ничего не произнес. Было очевидно, что та-

кому человеку не особо нравилась перспектива жениться на женщине. Какая несправедливость для его будущей жены. Интересно, какая ситуация была у Джека? Может он тоже женился на Дум похожим образом? У него был от нее ребенок, потому что она была дочь полицейского? Потому что полицейский – это респектабельно?

– Когда ты планируешь это сделать? – спросила я у Чаю.

– Когда у меня будет 40 000 батов (1600 долларов), я брошу работу, брошу мальчиков и женюсь.

– Что, если у тебя никогда не будет 40 000 батов?

– Тогда я женюсь позже, в двадцать пять.

– Что сделало бы тебя счастливым? – спросила я.

– Деньги. Если у меня будут деньги, я буду счастлив. Когда у меня будет телевизор, холодильник, видео, автомобиль, я буду счастливый.

Я продолжала думать о Джеке, оставшегося в квартире. Когда это случилось в прошлый раз, на него напала Дум. Но, несмотря на это, я была уверена, что знаю, что обнаружу по возвращению. Мне нравилось воображать, что он ждет моего возвращения. Я захотела поскорее вернуться назад. Может, ему уже стало лучше?

– Я скоро пойду домой, – сказала я Чаю. – Давай встретимся вечером и сходим куда-нибудь. Куда бы ты хотел пойти?

– На твое усмотрение.

– Как насчет того бара, где работает тот мальчик, который тебе нравится? – предложила я, надеясь увидеть, как общаются двое потенциальных влюбленных. – Хочешь навестить его?

Чай вроде был доволен и оценил такую идею.

Вернувшись в квартиру, я обнаружила Джека спящим у телевизора. Мой спящий джинн. Я вспомнила как Чай и Хой спрашивали меня, даю ли я ему деньги и тут же почувствовала вспышку беспокойства. Может, он использует меня? Смешно, сказала я себе. Я знала, что нравлюсь Джеку, и просто волновалась из-за того, что не знала, был ли он все еще со своей женой. Если он был все еще со своей женой, то кто была я, *mia noi* (младшая жена)?

Джек пошевелился, когда я потрогала его лоб. Он улыбнулся мне.

– Который час? – спросил он.

– Почти семь. Ты собираешься на работу? У тебя все еще лихорадка. – Пойдешь или будешь болеть?

Я встретилась с Чаем, и мы пошли в гей-бар на Суроонг-Роуд за углом Патпонга.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила я его.

– Нет. Слишком дорого и нет времени.

Рассчитанный для туристов, бар был роскошным и более дорогим, чем Apollo Inn, но того же самого жанра. Пять мальчиков танцевали на одной сцене, и пятеро – на другой сцене возле бара. С женщины-фаранга за выпивку бралась дополнительная плата – 100 батов. Чай знал многих гоу-гоу-танцоров, некоторые из них работали раньше с ним в Apollo Inn, а другие же были соседями по деревне Удон.

Заметив одного знакомого, он воскликнул:

– Я его знаю. Он живет рядом со мной в Удоне.

– Ты не знал, что он в Бангкоке?

– Да, – ответил он, имея в виду «нет».

– Он гей?

– Нет. Только я гей.

И для женщин, и для мужчин, выходцев из Исан, работа в баре или проституция были единственным выходом для поддержки своих семей.

Давние соседи Чаю подошли сказать привет. Он был одет очень элегантно, как городской житель, и сидел с гордым видом клиента. Чай отметил, что в прошлый раз я была очень сексуально одета. Он запомнил меня в платье с оголенным плечом.

– Где мальчик, который тебе нравится? – спросила я.

Он огляделся и разочарованно произнес:

– С гостем.

Потом Чай показал мне его, когда тот пошел танцевать.

– Это он, – сказал Чай. – Номер 101.

Уходя за кулисы, 101-й подошел к Чаю, чтобы прикурить сигарету, и они улынулись друг другу. Затем 101-й вернулся к клиенту.

Чай беспомощно пожал плечами сказав:

– У нас никогда нет времени друг на друга.

С моим новым пониманием мужских тайских тел, теперь я находила танцующих мальчиков привлекательными. Один заметил, что я уставилась на него, и улыбнулся. У него были черты лица «луук крунг» («полуробенка»). Он явно был наполовину тайцем, наполовину белым. Так как большинство гоу-гоу мальчиков не были геями, я задалась вопросом, как они меня воспринимают? Как сексуальный объект – женщину, пришедшую с Чаем? Женщины Патпонга и трансвеститы смотрели на меня по-другому, не как на своих клиентов. Наверняка «Номер первый выпал первый», который стеснялся и прятался за колонной, чтобы не показаться мне голым, не расценивал меня как источник дохода.

Я старалась не смотреть на мальчика «луук крунг», опасаясь, что он подойдет и будет ждать, чтобы я купила ему выпивку. Я сказала Чаю, что смогу предложить выпивку любому, кого он пожелает. Я рассчитывала взять у него интервью, поэтому была готова платить. Чай и его друзья, как ни в чем не бывало, болтали о своей работе, гордясь городской жизнью. Чай, казалось, пользовался у них уважением, потому что жил дольше всех в Бангкоке, и потому что рядом была я. Они долго смотрели на меня, когда Чай рассказывал им, что я ездила к нему домой в его семью.

Когда Чай спросил: «Сколько шлюшек сегодня здесь работают?» – они засмеялись.

В 10:30 началось факинг-шоу. Шестеро мужчин разделились на две группы. Все было стилизовано, с хореографией, анальным сексом и в разных позах.

На следующее утро мне пришлось иметь дело с налогами. Те, кто оставался в Таиланде более чем 90 дней в году, сталкивались с этой проблемой. Им не позволялось просто так сесть на самолет и пересечь границу. На прошлой неделе срок продления моей визы закончился, и на сей раз мне надо было уехать. Фактически срок истекал в день праздника Лои Кратонг, но я не собиралась пропускать его. Я просрочила бы день или два, а пересекая границу, заплатила бы штраф – 100 батов за каждый день просрочки.

Правительство хотело удостовериться, что все работающие иностранцы платят налоги. Тайское правительство редко выдавало фарангам резидентские документы, но крайне нуждалось в учителях английского языка, которые в большом количестве жили там постоянно и должны были покидать страну каждые три месяца. Поход в налоговую инспекцию был обязательной частью этого процесса. Никто из налоговиков не упоминал тот факт, что вообще закон запрещал работать иностранцам в Таиланде.

Мытарства в налоговой, подобно аналогичным хождениям по Службе иммиграции, занимали три часа минимум. Иностранцы, которые не работали, но пребывали в стране более 90 дней, тоже должны были заплатить налог, процент с суммы, которую они ввезли.

Тем не менее, правительство допускало особые обстоятельства, освобождающие от налога. Мой случай, как я надеялась, был именно таким. Я освобождалась от налога в том случае, если смогла бы доказать, что была студенткой, живущей на студенческий кредит.

Я полагала, что эта не компьютеризированная бюрократия не сможет контролировать, что сделала одна ветвь власти, а что – дру-

гая. Поэтому я рассчитывала, что налоговая служба не будет знать о том, что Национальный исследовательский совет запретил мне проводить исследование. Стопки бумаг в кабинетах, сложенные на столах и полу, подтверждали, что мне нечего волноваться, тем не менее, я волновалась. А вдруг кто-нибудь тут все-таки знал обо мне? Может, студенческая уловка больше тут не прокатит?

Когда моя очередь подошла, я села напротив женщины, которая достала мое толстенное дело. Как обычно, она сделала копии писем из офиса Financial Aid, от моего профессора, из банка и т.п. Взыщет ли она с меня непотребный налоговый сбор? Запретит ли находиться в Таиланде, чтобы пресечь незаконное исследование? Может я что-то упустила в документах?

С облегчением я получила назад свой паспорт с необходимой печатью и подписью.

Этим же вечером я должна была встретиться с Нок возле Queen's Castle в 18:00. Мы должны были вместе пообедать, перед тем как она пойдет на работу. Я узнала человека, который стоял рядом с ней, она показывала мне его фото. Это был Мун, ее тайский друг, которого она описывала мне как шестнадцатилетнего, семнадцатилетнего, и однажды даже как девятнадцатилетнего. Мун был довольно высоким парнем с детским лицом. Я спросила себя, что же Нок могла рассказать ему обо мне. Мы все пошли в универмаг «Робинсон». Было еще рано, когда мы подошли к углу, где работал Джек.

– Я вернулась к своему тайскому другу, – сказала я ей. – Вот место, где он работает, но его здесь пока нет.

В «Робинсоне» Нок привела меня к тому месту, где я купила тайскую еду для Джека. Аромат утки пробудил воспоминания, но теперь, когда Джек ко мне вернулся, воспоминания меня не сильно беспокоили.

Когда мы уселись за столиком, Нок сказала мне, что уезжает на остров с японцем. В Таиланде было несколько курортных островов, куда девочки ездили с клиентами. Мун просто сидел рядом и слушал. Он, очевидно, знал о ее мужчинах, поэтому я спросила:

– С Ямагучи?

– Нет.

– Ты с ним познакомилась в баре?

– Нет.

Затем она попросила меня, чтобы я перевела письмо, которое она получила еще от одного японца.

– Хорошо, конечно.

Я любила читать корреспонденцию от таких друзей-клиентов.

Нок открыла конверт, и, хихикая, склонилась к Муну, смеясь над японцем. Она держала свое письмо так, как будто это было почетная грамота. Я прочитала и перевела. Он писал, что скучал по ней, и что есть такой японский обычай обмениваться подарками. Он спрашивал, чего бы она хотела? Письмо заканчивалось словами «сильно люблю».

Нок усмехнулась Муну с такой гордостью, как будто получила свидетельство лауреата нобелевской премии.

– Что ты попросишь у него? – спросила я.

Она улыбнулась еще шире, и кокетливо уткнулась в плечо Муна.

– Браслет, – сказала она и засмеялась. – Золото с изумрудом.

– Ты ответишь ему тем же? Он ведь написал, что у них существует такой обычай обмениваться подарками.

Она посмотрела на меня так, будто я что-то сказала на греческом языке, и даже не потрудилась мне ответить.

На обратном пути мы встретили Джека. Он не пожал руку Муну и Нок. Вместо этого Нок сложила ладонки лодочкой, прижала их к груди, сделала что-то наподобие полу-реверанса, и стала ждать его реакцию. Я задалась вопросом, была ли эта формальность из-за меня, или это потому, что он работал зазывалой? Или потому, что он был старше? Возраст много значил в тайском статусе.

– Как ты? Тебе стало полегче? – спросила я Джека.

– Все лучше и лучше, – шепнул он мне. – Я приеду после работы.

Я поцеловала его в щеку.

Гуляя дальше, я подслушала Нок и Муна, они хихикали из-за того, что у Джека была темная кожа. Я заметила, что у них кожа была светлее.

На Патпонге-1 я спросила Муна:

– Куда ты идешь сейчас?

– Я работаю ниже возле Crazy Horse.

– О? И чем ты занимаешься?

– Я зазывала, так же как ваш поклонник.

Друг Нок был с Патпонга! Вот так сюрприз. Я снова задумалась о том, было ли правдой утверждение всех девочек, которые говорили, что они никогда не встречаются с мужчинами Патпонга? С таким огромным количеством противоречий мне показалось, что я никогда не узнаю о культуре Патпонга.

Мне нужно было сопоставить их слова с их поступками. Это казалось и Джека. Нужно ждать и смотреть, что же из этого выйдет.